

Кир БУЛЫЧЕВ: Взрослые нуждаются в угрозах и предупреждениях

Немногие знакомы с Игорем Всеволодовичем Можейко, доктором исторических наук из Института востоковедения, но вся страна знает Кира Булычева, его замечательную «гостью из будущего» Алису Селезневу. И хотя Кир Булычев на тридцать лет моложе Игоря Можейко — в реальности это один и тот же человек, который пишет прекрасные повести и размышляет о том, почему наша фантастика сегодня растерялась перед новым читателем.

— Игорь Всеволодович, писатели вначале придумали лазерный луч и робота, а уже потом они появились в нашей жизни. Этот особый дар — предугадывание будущего — обязателен для настоящего фантаста?

— Все, что касается изобретений, относится к области науки, этим занимаются профессионалы. Не было на свете ни одного фантаста, который что-нибудь открыл или предсказал, за исключением Ивана Ефремова. Он написал рассказ «Алмазная Труба» о том, как откроют алмазы на Чукотке. Но это объясняется тем, что он был профессионалом и перед тем несколько лет сам искал на Чукотке алмазы.

— А гиперболоид инженера Гарина? Недавно появилось сообщение, что скоро в лаборатории будет создан опытный образец индивидуального бластера.

— Можете вы на основе книги Алексея Толстого построить бластер или сделать луч? Толстой рассказывал о величии и гибели человека-авантюриста. Начиная с XVI века существовало много романов о путешествии на Луну. Некоторые путешествовали на гусях, некоторые — в стальных бочках, третьи — на чем-то еще. Это же не значит, что кто-то из этих писателей знал, как полететь на Луну.

— Но благодаря фантастике мы знаем почти все о том, чего может достичь человечество. Неизвестным остался только сам бог сапиенс. Появятся ли в будущем сверхчеловек, сверхразум, так называемый «человек будущего»?

— Нет. Я не думаю, что мы изменились, не знаю, сколько нам осталось жить на этой земле. Литература не создала еще идеального героя, потому что такого не существует. Ты никогда не смо-

жешь написать о чем-то, что выше тебя. Потому что тогда ты сам был бы выше. И футурологи ошибаются, и экстрасенсы. Ведь они начинают идти по восходящей: сегодня — компьютеры, завтра — суперкомпьютеры, потом — суперсуперкомпьютеры, и мы — их рабы.

— В западной фантастике существуют два направления: *fantasy* и *science fiction*, то есть развлекательное и серьезное. Американская научная фантастика поднимается до вершин философии — например, работы Брэдбери. Чем отличается наша школа?

— Фантастика российской, славянской в значительной степени и вообще европейская рассказывает о наших сегодняшних проблемах. Я придумую зеленого человечка с тремя ногами, а рассказывать буду о нашей с вами любви и больше ни о чем. И Гоголь, и Булгаков, к примеру, — типичные русские фантасты.

Американская фантастика изобретает мир, а не отражает его. Это Александр Кабаков пишет роман «Невозвращенец» о том, что с нами может случиться завтра. А американский писатель Азимов в «Люди как боги» описывает планету, где существуют не два пола, а три. И весь роман решается проблема взаимодействия трех полов.

Фэнтези — сказки для взрослых о драконах и принцессах. Первую фэнтези в истории человечества, и пожалуй, самую удачную, написал Гомер и назвал «Одиссея». В современной литературе вершина — толкиеновский цикл. Фэнтези очень ограничена в своих возможностях в отличие от фантастики и складывается из стандартных «кирпичиков». У нас сейчас идут смешные попытки заменить западный набор масок: дракона на Змея

Горыныча, рыцаря на Ивана-богатыря. Получается пародийно и не серьезно. Я знаю только один удачный пример: Миша Успенский написал роман «Там, где нас нет». Но удален он именно потому, что пародийен.

— Почему же мы променяли Ефремова и Беляева на бесконечные миры Андрэ Нортон или Роджера Желязны?

— Десять лет назад у нас фантастика почти не издавалась, все говорили: «Вот если наступит свобода, мы будем издавать журналы, напишем хорошие книги, скажем все, что нам хочется».

Но никто не предугадал одной простой вещи: в открывшиеся двери очень дельно и профессионально вошла американская масскультура. И в течение года заполнила и экраны, и книжные магазины. Наша фантастика растерялась перед новым читателем.

— Два года назад вы как-то говорили, что серьезная фантастика не приносит прибыли лотку. Что же творится сейчас на книжном рынке?

— Лоток перестает быть главным фиксатором моды. Где сегодня покупают книги? В «Библиоглобусе», магазине «Москва». Книжные магазины забыты народом. На лотке остались женские романы и детективы — то, что обычно читают в транспорте. Лоток не изменился — изменился читатель.

Происходит определенное движение маятника обратно, в сторону серьезной литературы. За последнее лето я не смогу вам назвать ни одного бестселлера массовой литературы, а трехтомник Лидии Чуковской об Анне Ахматовой пользовался огромным спросом. Вот почему я не пессимист.

Меня много издавали в 70—80-х годах, но в основном в Восточной Европе. В 1990 году в один день там была прикрыта вся русская литература — закрылись издательства, магазины. И вот последние два года я все время получаю приглашения приехать туда на конгрессы, совещания, напечатать что-то для журнала. Людям не хва-

тает русской литературы. Прошла эпоха политического отторжения, наступает ренессанс славянской культуры. А Россия — это мощный культурный центр, влияющий на Польшу, Германию, Балканы...

— Вы продолжаете писать для детей?

— Есть такое издательство «Полина», оно выпускает серию «Боги и герои». Я написал «Боги и герои Англии» и «Боги и герои Атлантиды». Сейчас все говорят, что дети сидят перед компьютерами и не читают книжек. Дети читают книжки. Главное — учить их интересно, не занудно. Для меня самого школа — не самое светлое воспоминание. Поэтому хочу попробовать совместить знание и интерес. Тем более у меня есть Алиса, и я могу воспользоваться этой маской.

— Я знаю, что вы, писатель-фантаст, посылавший Алису странствовать по иным мирам, не верите в существование внеземных цивилизаций.

— Не вижу оснований для их существования. Не знаю ни одного убедительного факта.

— А как же масса свидетельств, появляющихся в печати, как же различные исследования УФО-центров?

— Слава Богу, в Америке есть журнал «Скептик». Они проверяют всех этих жуликов. Мне один доктор сказал: «Если открываешь «Вечернюю Москву» и в конце статьи видишь номер телефона, не читай ее». Мы живем в халевном мире. Вы говорите: исследование. Пожалуйста, его номер, дату, где печаталось — я с удовольствием прочту, если это не пустая болтовня.

— Наша советская фантастика, по крайней мере раньше, всегда включала в себя воспитательный элемент. Я помню вашу экологическую повесть «Речной доктор» в «Пионерской правде» в то время, когда об экологии еще никто не думал.

— Иногда я впадаю в обыкновенное, мелкое человеческое бешенство: в Москве летом срубил тридцать тысяч деревьев. Экологическая катастрофа набирает обороты. Разогнавшийся маховик не-

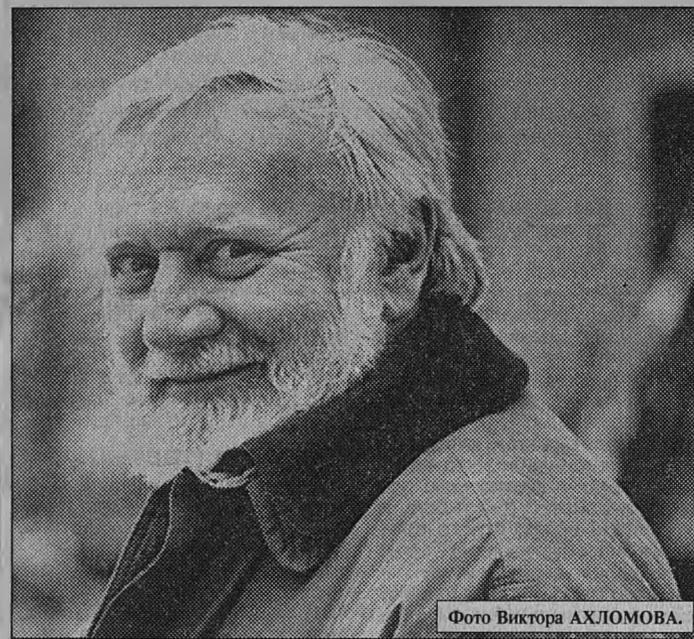

Фото Виктора АХЛОМОВА.

возможно остановить, его можно схватить и немного притормозить. Но ведь никто не хватает. Тот комплекс мира, который мы любим — от леса до воды, до свежего воздуха, — может уйти от нас.

Но детская фантастика должна учить добру. Это взрослые нуждаются в угрозах и предупреждениях. — Артур Кларк считает, что в ближайшие полвека человечество сможет воссоздать исчезнувшие виды динозавров и поставить их на службу человеку. Нас ждет процесс освоения новых видов энергии. На ваш взгляд, это необходимо?

— Каждое явление имеет положительный и отрицательный знаки. Поэтому я отвечаю: по-видимому, новые виды энергии нужны человечеству, но не дай Бог, потому что это приведет к очередному Чернобылю. Но мы не можем остановить прогресс, он идет помимо нас.

Паровой двигатель изобрели в античной Александрии. А пользоваться им стали, когда у общества возникла в том острая необходимость.

— Если посмотреть на описание будущего в фантастике, то мир наших писателей похож на научные городки: зеленая трава, здоровые, умные люди...

— Нам ничего другого не разрешили. Ведь цензура — не редактор, который режет ножницами. Цензура начинается тогда, когда

писатель садится за стол. И люди, что в состоянии вырваться за пределы этого, — наиболее талантливые и гениальные, самих себя обманувшие. Не может быть счастливого мира. И то, чего следует опасаться в будущем, вытекает из гиперболизированных страхов сегодняшнего дня. Человек боится пойти домой в двенадцать часов ночи, потому что на улице бандиты. И тогда появляется повесть о мире, в котором люди вообще не выходят из домов и улицей правят преступники. Но это будет рассказ о сегодняшнем дне.

— Есть ли научное открытие, которое вас обнадежило или испугало?

— Потенциально меня пугает бесконтрольное клонирование.

В нашей жизни в первую очередь все изобретения попадают к военным. Армия безголовых солдат, которых можно сделать, сколько хочешь, — это из фантастики. Но эта фантастика рождается из нашего сегодняшнего ощущения.

— Обычно после хороших книг как-то по-хорошему грустно и задумчиво. Значит ли это, что счастливы могут быть только дураки?

— Нет, конечно. Мы с вами не дураки, и у каждого были мгновения счастья. Но счастье — не процесс. И если эта печаль — не безнадежность, то это даже хорошо. Ведь любовь тоже печаль.

Ирина БЖАХОВА.